

БРИГАДНЫЙ СТРЕЛОК

Наконец-то! – ворчливо скрепит подо мной потертое снегоходное сидение старенького «Полариса».

– Ур-р-ра! В тундр-р-ру! – радостно урчит новенький четырехтактный «арктический котенок» Олега Федорова, моего надежного напарника в этих стылых таймырских широтах. Опять декабрь и опять впереди долгая дорога под всполохи холодного и изменчивого, как настроение капризной женщины, северного сияния.

Мы тронулись в ночь, а впрочем, какая разница, когда в это время на Таймыре выходить на охоту? Дня нет, только короткие пятичасовые сумерки. До базы 160 км почти бесснежной тундры, (неделю злобствовавший в этих местах северный ветер сдул весь снег с лайды в распадки), а позади... да какая разница, что там было позади! Здесь и теперь это не имеет никакого значения.

Термометр показывает -36°C , ветра почти нет, но зато с собой есть: две рации, спутниковый телефон, два термоса, кусок сала, галеты, две фляжки с виски и джипизсы, в которые забиты координаты охотничьей фактории на озере Собачьем. Справа, к снегоходному «кенгурину» надежно привязана в мягком кофре пластмассовая «погремушка» «Хеклер унд Кох» калибра .223 ремингтон, а слева, в теплом чехле, финский вертикальный дробовик «Тикка» двенадцатого калибра. На «птичку» Олег также заботливо укрыл от снежной крупы свое любимое универсальное оружие таймырских охот – AUG .223 ремингтон. У каждого в снегоходном багажнике по запасной канистре с бензином. А еще с нами не поколебимая никакими житейскими неудачами и мелкими поражениями уверенность в себе. Дойдем!

Вы знаете, что такое долгое утомительное сидение на одном месте? Кого я спрашиваю? Конечно же, вы знаете, ведь вы охотник, а значит не раз и не два вам приходилось ждать осторожного зверя на лабазе или томить себя тупым бездельем на самолетных перелетах.

А как вам длительные автомобильные поездки? Приятные воспоминания? Нет, спросите не себя, а свою... «пятую точку». Наши зады просидели в снегоходных седлах почти двенад-

цать часов кряду! И пусть теперь моя пустая голова только попробует еще раз забыть надеть под снегоходный костюм «подгузник», вырезанный из полиуретанового туристического коврика! Я сразу предъявляю ей счет от уролога.

А знаете что? Попросите какого-нибудь московского мороженщика уступить вам свой торговый лоток, снимите штаны и усядьтесь на фирменный пломбир минут так на сорок. Уселись? Теперь упросите его повозить вас в таком виде по брусчатке Красной площади, желательнее в полночь. И еще попросите его не «сачковать», пусть бегают от милиции что есть силы!

Прошло сорок минут? Нет? А, вас-таки догнали раньше и забрали в околоток? Но хоть двадцать минут-то лоточник продержался? Ну, слава богу! Теперь ваш зад знает, что такое настоящий холод, а вы примерно знаете, что же это такое, многочасовые таймырские снегоходные сафари на северного оленя по мерзлой декабрьской таймырской тундре.

Хотите знать не примерно, а подробно? ОК! Слушайте! Есть на белом свете такое удивительное рогатое стадное животное – северный олень. Оно сезонно мигрирует. Есть, конечно, на Земле еще мигрирующие копытные, ну, те же антилопы Гну, например, или экзотическая зверушка с обидным именем сайгак, но живут они все почему-то на теплом юге или в жаркой Африке. В России же из копытных так массово мигрирует только северный олень, а из не копытных разве что гастарбайтеры из южных республик в поисках заработка.

Как я уже сказал, северный олень – стадное животное, а самое крупное в России стадо – таймырское. Но вот, насколько стадо крупное, никто точно и не знает. В одних источниках приведена цифра 400 000 голов, а в других вообще миллион. Думаю, правда, как всегда, посередине. В советские годы только госпромхоз «Таймырский» без ущерба для популяции ежегодно добывал более 40 000 животных.

Так массово брали оленя двумя способами: на воде и в коралях. Ни первый, ни второй способ никак нельзя назвать охотой. Это самая настоящая кровавая бойня. Вот как описывает этот промысел на воде Михаил Веллер в своей книге «Самовар»: «Пяси́на, как всякая тундровая река, мелководна и медленна: разливаясь до километра. Олень переправляется через нее в сезон дважды: в начале июня мигрирует на северо-восток к побережью, где ветры с океана сдувают губительный гнус, а в конце августа – сентябре возвраща-

ется вглубь материковой тундры зимовать. Из года в год вожаки водят табун той же тропой.

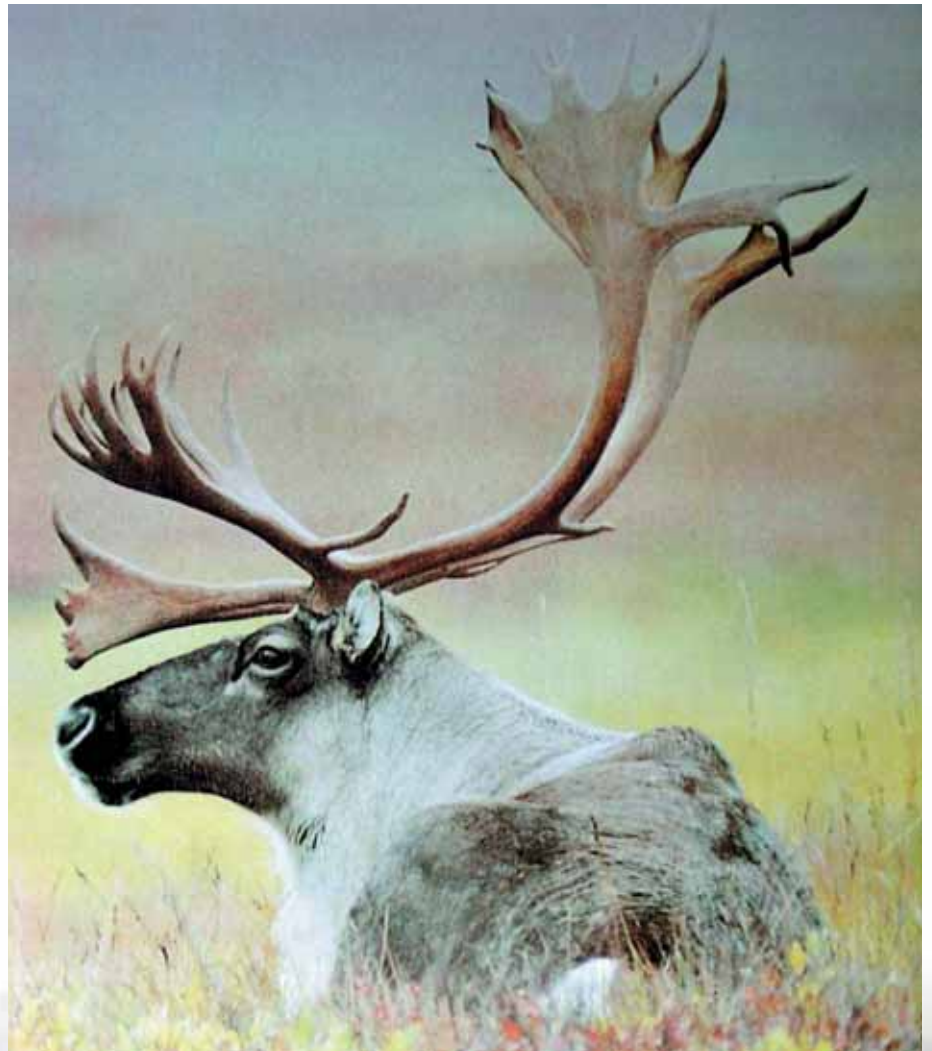
Плавают он прекрасно. Надутое перевариваемой жвачкой брюхо и пузырьки воздуха меж шерстин ненамокающей шкуры держат на плаву. Ноги под водой бьют поршнями – только волны расходятся от задранной головы.

Табун втягивается в воду колонной. Бывает и тысяча, и две тысячи голов – тогда получается «мост»: передние уже выходят на берег, а задние еще на противоположном.

На переправе его и бьют. Подлов беспомощного. Охотничья точка ставится чуть ниже тропы по течению. Видит олень плохо. А выше по течению с утра прячется под берегом дюралька с мотором и стрелком. Стрелок следит в бинокль за тем берегом – если есть бинокль.

Когда табун пересекает середину реки – или, если табун большой, середину прошла его головка – моторист дергает шнур своего «Вихря», и легкая плоская дюралька на подвесном моторе с ревом мчится к оленям, которые теперь судорожно торопятся достичь ближнего берега.

Головку надо от берега завернуть и, гоня лодку вокруг поворачивающих от нее оленей, закружить и сбить табун

(или большую его часть) в кучу каруселью. Моторист (сидит в корме, румпель мотора подмышкой) дает малый газ. Со скоростью пешехода скользит моторка вплотную к закруженному табуну.

Стрелок встает с двустволкой, раздвинутыми ногами сохраняя равновесие на колеблющемся днище. Сдергивает клеенку (защищала от брызг) с кастрюли с патронами, стоящей перед ним на банке: работать надо быстро.

Бить надо в основание черепа, повыше, чтоб дырой в шее не уменьшить потом вес туши на килограмм-полтора: при разделке рубят ниже раны, туше положено иметь товарный вид. Стреляют в упор:

с шести метров, с четырех, с двух. Моторист маневрирует, подводя лодку к ближним оленям и уравнивая скорость, чтоб стрелку было удобно. Промахнуться на таком расстоянии практически нельзя.

Дробь летит плотным кулаком. Поэтому госхоз выдает отстрельщикам что подвернется, обычно ходовой третий номер, утиную: все равно сплошная дыра. И прикидывают количество из расчета три патрона на двух оленей: ну, промах, добить, подмокли.

Голова убитого оленя падает, он ложится в воде на бок и медленно сплывает с течением. Не тонет, на чем все и основано.

Ружье с эжектором, отстрелянные гильзы вылетают при переломке, правую руку – в кастрюлю, хватаешь пару патронов, вгоняешь, закрываешь, вскидываешь: еще два выстрела, бах! бах! Быстрее, убитые уплывут, потом не соберешь! Ватник скинут, мешает, жарко!

С большого табуна на широком месте одна лодка (а бывает и две) может отстрелять полтысячи оленей, но этого никогда не делают: бригаде не успеть столько обработать, да и тебе не прибуксировать их к берегу. Берут штук полтора (на бригаду в десяток человек, численность ее зависит заранее от

обычной «густоты» тропы). Маленький табун выбивают весь – или сколько сумеют, олени прорываются за круг и уходят, это зависит от сноровки моториста и стрелка.

Полагается отстреливать в пропорции: столько-то быков-рогачей, столько-то важенок, столько-то телят первого и второго года. Чтоб стадо сохранялось в своей естественной, оптимальной пропорции. На деле, конечно, никто не смотрит. И не потому, что некогда или плевать. Бригада зарабатывает с добытых килограммов готового мяса. Телята невыгодны – возня, а веса нет. Быки – неудобны: тяжелы, трудно ворочать, плохо обдирается. Выбивают важенок: обдирается легче, ворочать сподручнее.

Отстреляв, начинают вязать плотники. Стрелок откладывает ружье и берет со дна вязки – метровые веревки с петлями на обоих концах. Лодка идет от туши к следующей: стрелок на коленях перегибается за борт и надевает на рог или ногу затяжную петлю – в противоположную петлю продевается общая веревка, скрепляющая десяток туш – это и есть «плотик». Толкают туши носом перед собой – это проще и легче, чем волочь на буксире. Сбив в плотную кучу десяток, начинают вязать следующий, а готовые пока сплывают.

ные плотники, полувытащенные, чтоб не уплыли, ждут своей очереди; в трудные (удачные) дни ждут до суток: работа идет без перерывов, наскоро перекурить-перекурить. Северный олень невелик, крупный бык ростом тебе под грудь, весит килограмм полтораста, чистая туша – вдвое меньше; важенка – половину от этого.

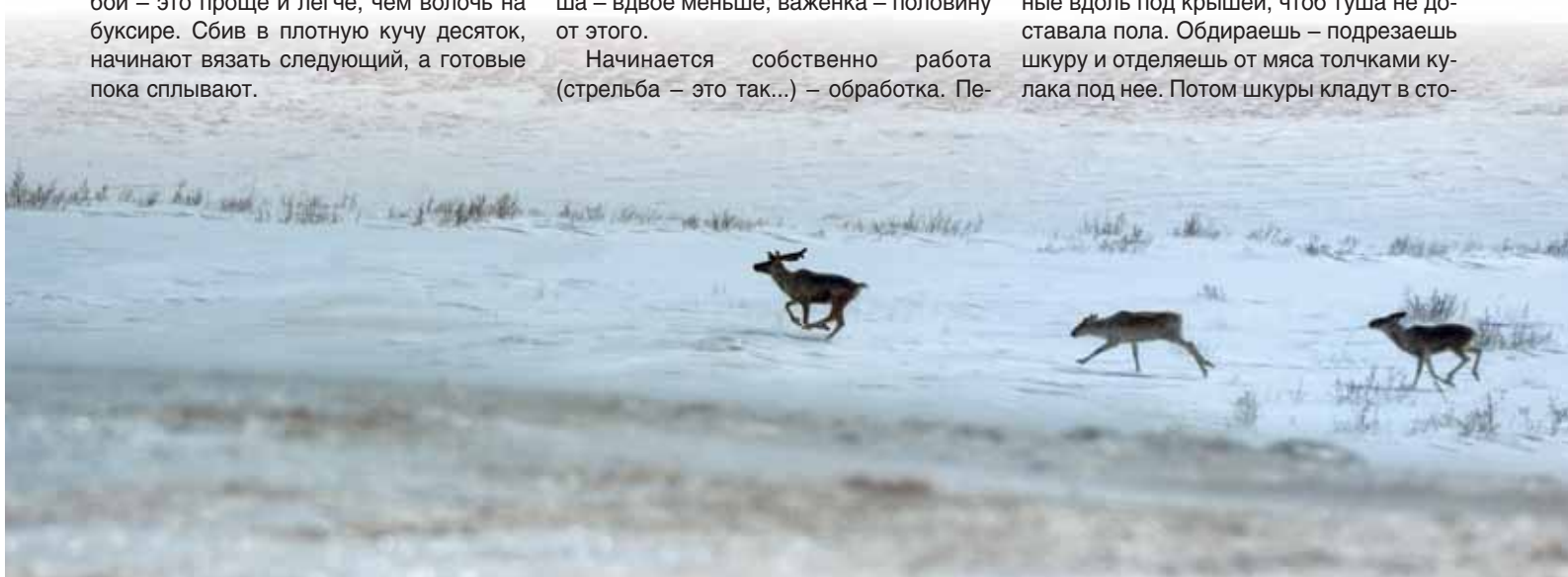
Начинается собственно работа (стрельба – это так...) – обработка. Пе-

редний проходит с подкладной чурочкой-плавхой и топором рубит головы. Двое вдоль рядов ножами, аккуратно зажав небольшую часть лезвия меж пальцев, распускают животы от паха до грудины. «Бутор» – кишки и желудок – вынимаются обеими руками и кладутся рядом. Снизу, через взрезанную диафрагму, вырывается трахея с головой-горлом и крыльями-легкими. Это все – в носилки и в яму, специально вырытую, потом ее надо будет засыпать. Сердца – в один мешок, почки – в другой, печень – в третий: субпродукты. И вычищенная туша наклоняется – слить на настил кровь изнутри.

Дальше: вдвоем за ноги – спиной книзу в станок из двух параллельных брусьев. Круговым движением подрезают камус – прочную шкуру на ногах – и сдирают чулком. Отдельно. Камус идет на торбаза – унты: прочен, непромокаем.

Ножи точат то и дело: жесткая шерсть тупит быстро.

Отрезают ноги по колени, проходя лезвием сухожилия и связки сустава – в бутор, на выкидку. Вдевают два крюка над суставами задних ног – вдвоем, хоп! – вешают на железные трубы, положенные вдоль под крышей, чтоб туша не доставала пола. Обдираешь – подрезаешь шкуру и отделяешь от мяса толчками кулака под нее. Потом шкуры кладут в сто-

Поэтому стреляют всегда выше точки по течению. Вытлкаивают плотик только вбок. Против течения не вытолкаешь – мощности мотора не хватит. Надо рассчитывать.

Когда связаны все, лодка по одному толкает их к своему берегу, к вешалам. Вешала ставятся от жилого балка метрах в пятидесяти, чтоб не воняло. Это наскоро сколоченный сарай-навес, открытый со стороны берега. Сплошной дощатый настил тянется от него в воду.

Подтянув резиновые сапоги, бригада развязывает прибуksированный плотик и втягивает туши на доски. Штук тридцать раскладывают в два ряда. Осталь-

пу, посыпая солью с лопаты – чтоб не загнили.

Привыкнув, понимаешь, что палач – это работа, и точно так же можно разделять человека, только его гораздо легче обрабатывать».

Любая неизбежная царапина на скудном северном воздухе при этой потрошащей работе начинает гнить и расплываться, руки постоянно болят, пальцы не гнутся.

Вереницы гусей на юг, свинцовая вода, сентябрьский снег, поясница трещит, питание отличное, олени языки и филе, вонь уже не чувствуешь, эмоций ноль, олень не идет – радость: отдых. 🐾